

УДК 94(4)

И. А. Краснова, Л. Н. Величко

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МИССИИ ФЛОРЕНТИЙСКИХ ГРАЖДАН
В XIII–XV вв.: ОЦЕНКИ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ**

В статье раскрываются особенности организации дипломатических миссий в XV в. одним из наиболее динамически развивающихся городов-государств Тосканы – Флоренции. Поведенческие практики и ритуальные жесты флорентийских дипломатов раскрываются через личные восприятия их

миссий, по данным хроникального нарратива и жизнеописаний.

Ключевые слова: история дипломатии, флорентийская коммуна, дипломатические миссии Средневековья, дипломатические практики, биографический нарратив.

I. A. Krasnova, L. N. Velichko

**DIPLOMATIC MISSIONS OF THE FLORENTINE CITIZENS
IN THE XIII–XV CENTURIES: VIEWS AND PERCEPTION FEATURES**

The article studies the peculiarities of organizing diplomatic missions in the Middle Ages by one of the most dynamically developing city-states of Tuscany – Florence. Behavioral practices and ritual gestures of Florentine diplomats are revealed through personal

perception of their missions as presented in the chronicle narrative and the biographies.

Key words: the history of diplomacy, the Florentine municipality, diplomatic missions of the Middle Ages, diplomatic practice, biographical narrative.

Флоренция в указанный период, как, пожалуй, и всякий город-коммуна в Италии, не являлась бюрократическим государством и не обладала аппаратом профессиональных управленцев, в том числе и специальным профессиональным дипломатическим корпусом, также не существовало и постоянной аккредитации полномочных представителей в каких-либо государствах или при дворах князей церкви и феодальных властителей.

Лицо, посылаемое с внешнеполитической миссией, называли «оратором», поскольку красноречие считалось главным качеством полномочного представителя республики. Дипломатические поручения возлагались на граждан республики, выезжающих в филиалы своих семейных компаний, рассеянных по разным странам Европы и за ее пределами, поэтому почти всегда они совмещались с торгово-банковскими функциями. Сам характер деятельности купцов и деловых людей, связанный с постоянными переездами из одной страны в другую, способствовал исполнению дипломатических миссий, поручаемых не только собственной коммуной, но

также императорами, королями и феодальными властителями из других стран. Руководство денежными и товарными потоками, конторами и торговыми факториями предполагало довольно высокую степень образованности, компетентности в разного рода делах, а также значительный уровень социальной и культурной коммуникативности, выражаемый способностью к установлению контактов, диалогу и достижению обоюдовыгодных компромиссов.

В Синьории – своего рода правительстве Флорентийской республики – первая канцелярская реформа была проведена в 1431 г. канцлером Леонардо Бруни и нотариусом Филиппо Перуцци. Она предписывала определенные способы хранения в канцелярии Синьории содержащих регистрацию дипломатических комиссий книг и отправленных и полученных послами писем. До этой реформы подобная документация часто хранилась дома у тех, кто выступал на внешнеполитическом поприще, а отчеты об исполнении миссий попадали в такой своеобразный источник, как семейные книги [32, 1883 с., XI;

1883 s., XII; 1884 s., XIII; 1884 s., XIV]. Занимая в них немало страниц, они становились неотъемлемым «органом» «политического тела семьи» [31, p. 799–800]. Эта культурная практика являлась показателем высокой оценки дипломатической деятельности, составлявшей предмет законной гордости как самого флорентийского «оратора», так и его потомков, поэтому частные регистры имеют абсолютную документальную ценность. Она возрастает для современных исследователей особенно в том случае, если есть возможность сравнения и верификации. В частности, сопоставление регистров Микеле Каstellани с записями его современника Ринальдо дельи Альбицци позволяет убедиться в их высокой степени точности и информативности, насыщенности персональными замечаниями [15, p. 63–64; 16, t. I–III].

У большинства граждан, постоянно выполняющих миссии коммуны, оценки и восприятия дипломатической работы подразделялись на два полярных регистра. Негативные высказывания отражали риск и опасность для жизни, которые часто сопровождали многодневные и требующие напряженного труда усилия, а также заключали lamentации по поводу того, что миссии занимают много времени и отвлекают от занятий торговлей, банком, наживой и основной профессиональной деятельностью.

В частности, дипломатической службе посвятил немало страниц своей «Домашей хроники» судья и купец Донато Веллутти (1314–1370) [38; 26, p. 150; 2, c. 312–313]. Внешнеполитическая деятельность занимала половину его жизни – с начала 40-х гг. до 1363 г. Коммуна использовала его образовательный потенциал, поскольку этот купец и предприниматель окончил факультет гражданского права в Болонском университете и, вступив в цех судей и нотариусов, исполнял соответствующие функции во Флоренции.

40–50-е гг. XIV в. в Тоскане отличались внешнеполитической напряженностью из-за противоречий между гвельфскими и гибеллинскими городами. Миссии, с которыми коммуна отправляла Донато Веллутти в Сиену и Ареццо, требовали «продвижения с большим риском по земле, захваченной синьорами Пьетрамала и другими гибеллинами». В гибеллинском Ареццо пришлось жить «почти в заключении более месяца без

возможности выйти за ворота, а враги подбирались с оружием к стенам нашего дома» [38, p. 170–171]. Затем последовали поручения в Перудже, Болонье, Лукке, Пизе, Ферраре, Посольство в Пизу чуть не окончилось трагически из-за вмешательства в качестве посредников в спор между двумя селениями по поводу плотины на Арно, потому что при попытке примирить враждующие стороны флорентийским послам пришлось противостоять вооруженной толпе. «Мы оказались в смертельной опасности, несколько копий и шпиг уперлись нам в грудь и другие места, а я вовсе не был вооружен, поэтому приготовился к смерти, и лишь по воле Господа удалось избежать опасности», – замечал по этому поводу Донато Веллутти [38, p. 185]. При осуществлении этой миротворческой практики Донато простудился и тяжело заболел, поэтому случился краткий перерыв в его служебной деятельности. Но вскоре он был направлен в Пистойю, где пыталась произвести переворот и прийти к власти враждебная Флоренции фамилия Панчатики, проводившая промиланскую политику. Это поручение оказалось настолько тревожным и хлопотливым, что «мы [послы коммуны Флоренции] забывали о еде и питье до самого вечера, находясь на ногах вплоть до вечернего колокола и поднимаясь с утре-ним. Нам все время грозило осуждение, мы слышали в спину от людей порицания, нас обвиняли в предательстве» [38, p. 206–207]. После «столь трудного посольства, не имея и месяца передышки», Донато отправился в Сиену для заключения и ратификации договора относительно порта Таламоне, которым пользовалась Флоренция, когда из-за очередного обострения отношений с Пизой прекращался доступ к Porto Pisano, что оказалось столь же обременительным заданием, хотя и успешно завершенным [38, p. 219–220]. За 15 лет непрерывной дипломатической деятельности пришлось заплатить здоровьем, убытками в деле наживы, обидами и унижениями, даже риском для жизни: «Я посвящал этим делам великое старание и работу мысли... справляясь с ними с честью, несмотря на тяжкие труды и невыносимые обиды». Усилия, как сетовал сам автор, оставались без должного вознаграждения: «Я не получал от миссий никаких благ ни для своей души, ни для тела» [38,

р. 207]. Разумеется, повествование о собственной карьере – саморепрезентация, что особенно демонстрирует последняя сентенция Донато Веллутти. Следуя тексту «Домашней хроники», выясняется, что всех жалобах на многотрудную и сопряженную с риском для жизни дипломатическую службу Донато Веллутти только один раз отказался от поручения коммуны в связи с особыми обстоятельствами, окончательно отойдя от внешнеполитической деятельности только в 1363 г. из-за возраста и болезней. То же самое можно сказать о других гражданах. Самым выдающимся дипломатом считался Ринальдо дельи Альбицци, соперник Козимо Медичи Старшего, который до своего изгнания в 1434 г. исполнил для республики 56 миссий [16, vol. I–III].

Семейные книги имели вполне определенного адресата – сыновей, внуков и представителей последующих поколений, и автор, как правило, стремился представить себя перед потомками в наиболее выгодном свете, повествуя о главной гражданской добродетели – служении своей коммуне.

Еще один дипломат, Бонаккорсо ди Нери Питти (1354–1430) активно стремился войти в состав правящей элиты в 1378–1428 гг. Он находился на постоянной дипломатической службе, которую сочетал с участием в войнах и дуэлях, с торговлей шерстью, вином, лошадьми, шафраном и другими товарами, а также с азартными карточными играми [4, с. 566–567]. В 1396 г., будучи по своим торговым делам во Франции, он в то же время выполнял поручение коммуны по созданию лиги против миланского герцога Джан Галеаццо Висконти, стараясь при этом противостоять интригам герцога Орлеанского, противника антимиланской политики Франции. В 1400 г. его послали к только что избранному императору Рупрехту Баварскому (1400–1410) с целью добиться союза между Флоренцией и императором против Джан Галеаццо Висконти. Но эта миссия, согласно описанию самого Бонаккорсо, была очень опасной, поскольку он боялся козней миланского герцога, пыток и казни. Некий сиенец секретно поведал ему о том, что Джан Галеаццо якобы оценил голову флорентийца в 4 000 золотых дукатов [6, с. 94–96; 30, t. I–II, р. 844–851]. В сложной ситуации войны между Флоренцией и Миланом любой посол

коммуны подвергался риску, но сведения о тайном заговоре миланского правителя против его персоны, по всей видимости, есть сильное преувеличение дерзкого, крайне амбициозного и склонного к комплексу собственного величия Бонаккорсо ди Нери Питти. Таким образом, к дискурсам об опасностях при исполнении дипломатических поручений следует относиться с некоторой осторожностью, учитывая обязательный элемент преувеличения степени риска.

Однако распространяющийся со второй половины XIV–XV вв. другой вид источников – биографии выдающихся граждан Флоренции – в некоторой мере подтверждает жалобы исполнителей миссий.

Крупный политический деятель Флоренции Аньоло Аччайуоли сделал карьеру главным образом на дипломатическом поприще, где достиг таких успехов, что выдающийся биограф Веспасиано да Бистиччи (1421–1498) счел нужным включить его жизнеописание в свой сборник. В тексте биографии Аньоло Аччайуоли центральным являлся драматический эпизод, имевший место в ходе флорентийского посольства к королю Франции Карлу VII (1452). Послы, возглавляемые мессером Аньоло, устремились вдогонку за двором французского короля, но заблудилось в Савойском лесу «во время сильного мороза и чудовищного снегопада». По сведениям Бистиччи, «не зная, что предпринять, послы, закутавшись, взобрались верхом на коней, привязав их к деревьям, и стали ждать смерти, притом каждый вверял себя Богу, отрешившись от всякой надежды» [7, t. IV, р. 341–352]. Но, «как угодно было Господу, который не покидает тех, кто верит в Него», некий слуга вызвался пойти пешком поискать какого-нибудь селения или хижины, и на расстоянии 4 миль нашел деревню. В 4 часа ночи он привел крестьян в числе 6–8 человек с зажженными факелами, которые и спасли замерзающее флорентийское посольство [7, t. IV, р. 348].

Судя по жизнеописаниям, дипломатическая деятельность была сопряжена с риском также и потому, что часто ставила флорентийцев, которые ею занимались, в центр внутрикоммунальных интриг, что испытал на себе Бонаккорсо Питти, который «проговаривался» об этом в своей хронике. Прибыв после исполнения сложной дипломатической

миссии при французском королевском дворе в 1396 г., он сообщал: «Прежде чем предстать перед нашими синьорами, я дал знать о данном мне поручении некоторым мудрым и имеющим вес членам коллегий, а затем уже явился и доложил о своем посольстве» [6, с. 70]. Совет с некоторыми влиятельными и именитыми гражданами, пред тем как дать официальный отчет о своей деятельности, представлялся Бонаккорсо необходимой мерой предосторожности, учитывая высокую степень политизированности флорентийского общества и, как следствие, его разделенность на политические фракции.

Веспасиано да Бистиччи повествовал о том, как успешно действующий на дипломатическом поприще в конце 30-х – 40-е гг. флорентиец Бернардо Джуни, посланный к папскому двору и успешно начавший выполнять поручение, был внезапно отозван из Рима вместе с другим послом: «Они впали в глубокое расстройство, понимая, что эти распоряжения исходят от их недругов во Флоренции (членов Синьории, которые были противниками союза коммуны с понтификом)». Послам было предъявлено обвинение в государственной измене, в котором их деятельность в Риме истолковывалась самым превратным образом, а некоторые члены Синьории платили деньги, чтобы слух об их предательстве распространился по городу. Началось судебное расследование, в ходе которого с большим трудом им удалось доказать свою невиновность [8, t. IV, p. 327–328], но успешно начатая политическая карьера Бернардо Джуни была прервана [8, t. IV, p. 329]. С деятельностью флорентийского оратора были часто связаны подозрения в заговорах против своего отечества и шпионаже, источником которых являлось внутреннее противостояние политических фракций.

Насколько оправданными являлись жалобы на скудость доходов от выполнения дипломатических поручений коммуны? Судя по ситуации, вырисовывающейся из коммунальных документов, послов часто обвиняли в том, что они ради заботы о получении дополнительного жалованья склонны были искусственно затягивать исполнение миссии. Их также часто упрекали и в том, что, желая сэкономить в свой карман командировочные средства, выданные на представительство,

послы вели столь скудное существование, что позорили тем самым свое государство. Но можно утверждать, что в большинстве случаев действительно ораторы коммуны не получали жалованья, полностью компенсирующего убытки, доставляемые временным отходом от купеческой, судебной-нотариальной или предпринимательской деятельности. Дипломаты, имеющие титул рыцаря или доктора, получали по 5 флоринов в день, но должны были на эти деньги содержать 10 лошадей. Усилия тех, кто не являлся таковыми, оплачивались четырьмя флоринами в день, но их обязывали содержать 6 лошадей. Если посольство носило торжественный характер, то на представительство выделялось не более 100 флоринов, которыми оплачивался церемониальный въезд, игра на флейтах и барабанах, а также атрибуты декора. Послы должны были на собственное жалованье оплачивать работу курьеров, посылаемых во Флоренцию, и делать подарки тем лицам, которые оказывали им честь [21, vol. I., p. 490–491]. Вышеизложенная картина вполне укладывалась в основной контекст вознаграждений за исполнение коммунальных должностей в период со второй половины XIII в. до середины XV в. Плата, получаемая официальными лицами из казны республики, отличалась умеренностью, а ее размеры тяготели к покрытию повседневных расходов функционеров во время срока их поста. В таком случае встает вопрос о том, что же компенсировало посланникам коммуны недостаток доходов от дипломатической службы и прямые убытки от потери времени для деятельности, непосредственно приносящей прибыль?

Представляется, что для ответа на этот вопрос было бы целесообразно обратиться к иной шкале ценностей, присущей сфере особых культурно-этических качеств и политических заслуг. Ее ключевыми понятиями будут являться «почет» (*rispetto*), доблесть (*virtu*), «величие» (*grandezza*), содержащие коннотации, складывающиеся внутри городского республиканского социума. Достижения на дипломатическом поприще высоко оценивались в обществе, принося высокую репутацию (*fama*) и повышая социально-политический престиж, предоставляя послу возможность остаться на страницах исторических хроник и в памяти потомков.

Обратимся к «Домашней хронике» Донато Веллутти, в которой транслируется, какое удовлетворение приносила ее автору «честь», оказываемая ему как полномочному представителю своего могущественного города-государства. Именно занятия дипломатией позволяли ему испытать чувство собственного достоинства при исполнении почетных миссий. Веллутти выражал эти настроения, описывая прием, оказанный флорентийским послам в 1345 г. синьором Лукки Мастино делла Скала: «Он принял нас в своем палаццо, и нас сопровождало туда множество всадников, могущественных и благородных людей. И утро и вечер проходили превосходнейшим образом: было много вина и льда, чтобы остудить вино, а свечей и сладостей – без счета. На стол, за которым сидели наши послы, ставили приборов в два раза больше, чем на другие» [38, р. 179–182]. В следующем 1346 г. состоялись переговоры с Пизой, от которых «я получил столько удовольствия, потому что имелось прекрасное содержание и от Коммуны, и от палаты Мерканция (Донато одновременно выполнял поручения флорентийского торгового трибунала в Пизе). Кроме того, нам оказали честь и гостеприимство гвельфские фамилии Пизы: в доме одной из них мы проживали на всем готовом, имея там хлеб, вино, мясо, зерно, зелень, овощи и все, что бы мы ни пожелали» [38, р. 182–183].

Но дипломатическая деятельность не только возбуждала законную гордость и тешила тщеславие, доставляемая ею «честь» могла обернуться некоторыми материальными выгодами. Донато Веллутти, как было сказано, жаловался: «...постоянное исполнение поручений за пределами моего города приносило огромный убыток моему карману и отвлекало меня от занятий моей профессией, принося мне много разорения» [38, р. 190]. Но, с другой стороны: «почести Коммуны были полезны мне, поскольку именно по этой причине я стал „Мудрым“ и почти все время пребывал в синдиках (советниках. – И. К.) у Барди, Перуцци, Аччайуоли, Бонаккорси и многих других. И они хорошо платили мне за это, а кроме того, „Мудрые“ получали тогда много хорошо оплачиваемых должностей в Коммуне. Таким образом, вред и разорение, которые терпело мое основное дело, возмещались мне, но не компенсиро-

валось уклонение от него из-за занятий политикой» [38, р. 190; 22, t. II, р. 111]. Донато не мог скрыть своего удовлетворения, за которое он благодарил Бога, поскольку пожизненное звание «Мудрого» избавляло его от беспрестанных тревог, которыми были снедаемы флорентийские граждане по поводу включения в списки для избрания и жеребьевки, предоставляющих доступ к должностям, обсуждения кандидатур в Синьории и возможных отводов, бьющих по честлюбию и репутации.

В первую очередь дипломатом позиционировал себя выдающийся флорентиец Микеле Каstellани в своих записках, озаглавленных «Воспоминания о делах Коммуны» (*Ricordanze di chose di Chomune*) и содержащих копии дипломатических посланий и других документов, выполненные, очевидно, писцом-секретарем. Он упоминал о посольствах, в которых ему довелось участвовать вместе с другими именитыми гражданами: к синьорам Форли, в Мантую и Рим к папе Мартину V (1419, 1421), в Неаполь к королеве Джованне II, к королю Альфонсо Арагонскому. Последнюю миссию в Болонье Микеле Каstellани исполнял в 1424 г., за 5 месяцев до своей кончины [15, р. 59–60].

Несмотря на все сложности и опасности, какие дипломатическая служба доставляла Бонаккорсо Питти, она наполняла его гордостью и тщеславием, позволяя на равных разговаривать с иностранными правителями, обманывать их в интригах, демонстрировать им собственное превосходство, быть причастным к самым важным событиям европейского масштаба [6, с. 73–74]. Бонаккорсо испытывал особый психологический комфорт, когда властители и монархи испытывали в нем потребность. Это наполняло его чувством собственной значимости: «Через некоторое время королева послала за мной и поручила мне, чтобы я воздействовал на Флорентийскую Коммуну, а та бы отправила своих послов к королю Франции для заключения лиги против герцога Миланского (Филиппо Мария Висконти)» [6, с. 69–70]. Питти сосредоточен на блеске и великолепии своих миссий, которые полностью позволяли ему реализовать комплекс тщеславия и собственного превосходства. Пребывая при дворе императора Рупрехта Баварского, он с упоением описывал оказываемую фло-

рентийским послам честь: благосклонность Его величества, прекрасный дом, отведенный им под резиденцию, роскошные обеды. Но в центре повествования находились его персональные заслуги: он приписывал себе спасение императора от возможного покушения, пребывание на равных в кругу самых знатных вельмож, что позволяло Питти чувствовать себя главной пружиной важнейших дел европейской политики. Гордость и преувеличенное самомнение сквозят в описании его попыток покровительствовать императору Рупрехту, предостерегая его против злодейств герцога Миланского: «И впредь он остерегался... и, между прочим, из-за подозрения, которое я внушил ему...» [6, с. 86–88]. Полностью себе Питти приписывал заслугу разоблачения миланского шпиона, которым являлся придворный медик императора. Поиски необходимых для сбора войска сумм Питти представлял как дело спасения императорской чести, о котором венценосец просил его «чуть ли не со слезами на глазах» [6, с. 89]. Передавая речи монарха, к нему обращенные, Б. Питти пересыпал их оборотами: «Ты мне окажешь большую услугу...», «Проси у меня что хочешь... и будет тебе сделано» [6, с. 89–92]. Здесь очень ярко выражен любимый Питти контекст, сопровождающий его общение с монархами: их зависимость от него, нужда в его услугах, уме, образованности и бдительности. Этот контекст определял постоянно употребляемое местоимение «Я», посредством которого себе одному он приписывал все заслуги посольства, игнорируя вклад других посланников коммуны.

Сравнивая нарративы, в которых сами горожане свидетельствуют о своей дипломатической службе, необходимо выделить две особенности. Во-первых, истинная цель миссий, в чем бы она ни заключалась, не то чтобы не отражается в описаниях, но уходит на второй план. Посланники коммуны в автобиографических фрагментах склонны представлять свою деятельность как процесс, доставляющий удовлетворение оказываемыми почестями и общением на равных с сильными мира сего, или чреватый риском и опасностями для жизни. Часто из таких текстов остается неясным конкретный результат их миссии, которая в большей части случаев оказывалась промежуточной, явля-

ясь лишь одним из этапов в длинной серии переговоров и соглашений, на разных фазах передаваемых другим лицам. В 1381 г. Маркьонне ди Коппо Стефани был послан с важной миссией к императору Священной Римской империи, что свидетельствовало о высоком доверии коммуны. Пребывание флорентийских послов при дворе императора продолжалось около 5 месяцев, но соглашение не было достигнуто, поскольку, как утверждал Стефани, послы не имели полномочий распоряжаться деньгами из-за начавшихся во Флоренции политических распрей, и Коммуна не могла передать императору сумму в 30 000 флоринов [18, t. XXX., rubr. 895, p. 389–390]. Затем посольство было отправлено уже в другом составе.

В жизнеописаниях замечательных людей Флоренции прежде всего прославлялись ораторы, большая часть текстов биографий выдающихся граждан была посвящена рассказам о блестящих посольствах к великим мира сего и передаче речей, которые произносились перед папами, императорами, королями и могущественными властителями. Авторами таких жизнеописаний часто являлись потомки, желавшие увековечить славную память о предках [9, p. 315–319].

Своих предков – талантливых дипломатов – прославлял Лоренцо ди Филиппо Строцци, составивший книгу их биографий в 30–40-е гг. XVI в. В этом ряду он поместил Паццино ди мессер Франческо Строцци, известного своими миссиями при папском дворе Григория XI и произведенного понтификом в сенаторы с помещением герба Строцци в Палаццо Капитолия [36, p. 16]. Отмечались дипломатические способности выдающегося горожанина Палла ди Ноффри Строцци, высланного навсегда из Флоренции Козимо Медичи Старшим в 1434 г. Лоренцо Строцци описывал его посольства к королю Неаполя Владиславу, произведшему этого представителя дома Строцци в рыцари (1420), его миссии при папах Мартине V и Евгении IV [36, p. 26–27; p. 45–46]. Биограф фиксировал перипетии дипломатической службы Палла ди мессер Палла Строцци, который в 1424 г. был произведен в рыцари королем Альфонсо Арагонским, но был вынужден некоторое время провести в тюремном заточении в Милане из-за интриг герцога Савойского [36, p. 44–45]. Другого члена своей фамилии –

Нанни (Джованни) Строцци за ведение сложных переговоров с Филиппо Мария Висконти, Лоренцо Строцци оценивал как человека, «ревностно заботящегося о благе и чести отечества, подобного духом римскому изгнаннику Камиллу» [30, р. 53–54], несмотря на успех его миссии [37, t. III, р. 156–157].

Члены семейства Сальвиати в своих мемуарах по праву гордились выдающимся дипломатом Якопо Сальвиати, который с 1399 по 1411 г. фигурировал в 16 посольствах. Его посольства далеко не всегда достигали цели, но таланты Якопо на этом поприще в глазах представителей его дома оставались неоспоримыми: они подчеркивали, что его не лишили доверия даже тогда, когда он подверг резкой критике и предлагал отменить позорный с точки зрения истинного гвельфа мир с королем Владиславом (1410) [24, р. 39–40].

Но жизнеописания выдающихся сограждан выходили не только из-под пера родственников и потомков. Со второй половины XIV в. горожане Флоренции стремились воздать честь достойным с их точки зрения соотечественникам. Так, например, Лука делла Роббиа, по всей вероятности, известный скульптор первой четверти XV в. составил жизнеописание своего современника, именитого и уважаемого гражданина Бартоломео Валори, прославляя его дипломатические заслуги в отношениях с королем Владиславом Неаполитанским, папским двором и миланским герцогом. При Неаполитанском дворе, где Бартоломео долго служил, по приказу королевы он был объявлен «дворянином трона», получив древний и самый почетный титул среди апулийской знати. Он был связан дружескими узами с Бальдассаре Косса, который, «став папой, очень ценил нашего мессера Валори и советовался с ним во всех важных случаях» [29, р. 244–245; р. 260–263].

Уже упоминаемый биограф Веспасиано да Бистиччи полагал, что именно в дипломатической сфере проявились самые замечательные качества Аньоло Пандольфини [3, с. 469–470], по достоинству оцененные многими монархами, которые «хорошо знали мессера Аньоло и очень ему доверяли» [12, р. 534]. Он же прославлял братьев Пьеро и Донато Аччайуоли, которые в глазах биографа являлись в первую очередь «достойными дипломатами»: он особенно восхищался

миссией Пьеро Аччайуоли в Риме у папы Пия II, где он «добился у понтифика всего, что нужно было Флорентийской республике». Биограф отмечал «исключительное красноречие» Донато Аччайуоли при исполнении дипломатических поручений Козимо Медичи в Милане: «Он прекрасно дискутировал, имея за плечами едва 24 года, сочетая с душевной твердостью телесную красоту и грациозность манер» [40, р. 336]. Биограф считал великой заслугой самого Козимо Медичи Старшего его службу республике в качестве посла во многих местах, «чем он снискал величайшую честь для нашего города» [11, р. 267–268; р. 292; 27, р. 54]. Особому вниманию, которого удостаивались талантливые ораторы, не приходится удивляться, поскольку изощренная дипломатия для небольшого города-государства являлась основным способом ведения внешней политики.

Рассматриваемые нарративы, несомненно, отражают основные составляющие «этноса» образцового посла; качества, подлежащие наиболее высокой оценке, которые отнюдь не сводились только к достижению цели исполняемых миссий и их успешности. В этом отношении весьма показателен один эпизод политической практики послов, вызвавший значительный резонанс в коммунальном обществе Флоренции.

В 1375–1378 гг. Флоренция, известная своей твердой и постоянной гвельфской позицией, вела с папским престолом войну, воспринимаемую большинством граждан коммуны как своего рода парадокс, «выверт» реальности [33]. В 1376 г. вследствие продовольственного кризиса, вызванного предыдущим недородом и распадом антипапской лиги тосканских городов, которую Флоренция ранее удалось создать, Синьория приняла решение начать мирные переговоры с понтификом. К папскому двору было отправлено посольство в составе именитых и авторитетных граждан Донато Барбадори и Гвидо дель Антелла, которые должны были склонить Григория XI к заключению мира, если не на почетных, то хотя бы на приемлемых для коммуны условиях.

Послам пришлось отвечать на вполне обоснованное обвинение понтифика в том, что гвельфская республика восстала на своего естественного союзника – папский престол. Отстаивая позиции своего города,

флорентийские посланцы прибегли к софистическому казусу, заявляя, что Флоренция в первую очередь является «подданной Священной Римской империи» и поэтому не может признать юрисдикцию Папской курии, граждане – «миряне», и «посему подчинены императорской власти». Высказывание отличалось не только дерзкой наглостью, но также и нелепостью, учитывая демонстрируемые республикой последовательные хотя бы на словах антигибеллинские позиции, но также традиционно-формальный характер признания имперских прерогатив, который выражался лишь в определенных суммах, которыми Флоренция выкупала покой и безопасность с появлением в Италии очередного главы Священной Римской империи. Потрясенный Григорий XI употребил в ответ «сильные выражения», называя аргументы послов «фривольными и глупыми», а флорентцев – «нечестивыми сынами погибели», «врагами Матери Церкви и христианской республики». Не возражая папе, Донато Барбадори, который и произносил вышеприведенную речь, предпринял символический жест: пал на колени, читая псалмы и призывая Христа и апостолов в свидетели невиновности Флоренции. Д. С. Петерсон весьма остроумно характеризовал это высказывание Барбадори, как «новый флорентийский гибелинизм» [33, р. 191–192]. Миссия, естественно, завершилась полным провалом, и перспектива заключения мира отдалилась для изнемогающей от тягот войны Флоренции в неопределенное будущее.

Отклики соотечественников, в этом случае хронистов и анонимных авторов дневников, содержали оценки, выражающие решительное одобрение послов за смелость и стойкость, проявленные перед папским двором. Удивление вызывает тот факт, что современники не обращали внимания на то, что миссия Барбадори и дель Антелла не достигла успеха. Один из анонимов с удовлетворением констатировал официальную позицию флорентийского правительства: «Сегодня, 22 и 23 октября 1377 г., победило при голосовании в Совете Народа и в Совете Коммуны решение о том, что мессеру Донато Барбадори будут даны определенные отличия: 50 флоринов золотом и право носить оружие в течение всей жизни [22, р. 341]. Другой соотечественник – хронист

Маркьонне ди Коппо Стефани ди Бонайути – представлял Барбадори своего рода эпическим героем: «Мессер Донато – человек свободный, очень мудрый и полезный Коммуне... Был гражданином честным и отважным, и в каждом посольстве вершил для Коммуны большие дела у великих синьоров и тиранов. Отстаивая Коммуну в процессе, возбужденном против нее папой Григорием XI, он ораторствовал возвышенно и непринужденно. Известно, что он доставил папе немало неприятностей, не называя его «Святым Отцом», но обращаясь к нему «мессер» и крича: «Берегитесь, как бы ваши близкие и клиенты не начали бы склонять вас к несправедливым сентенциям... и, ради Бога, не изрекайте таких неправедных заявлений, как те, что вы уже изrekli!». И проделал он это столь бесстрашно и свободно, что все присутствующие удивились, а папа был поражен этими словами и тем, что мессер Донато столь дерзок. Он же заявлял, что на смерть пойти готов, но не смолчит, когда выносятся несправедливое решение против Коммуны Флоренции... он оправдывал Коммуну и осуждал Папу за его жестокий и противный совести суд» [18, t. XXX, rubr. 827, p. 352; rubr. 836, p. 360]. И в этом случае Стефани оценивал не результаты дипломатической работы посла, но его храбрость и патриотизм в словесной битве с папой, не проявляя ни малейшего интереса к нелепой и извращенной парадоксальности сути его аргументов.

Именно за заслуги в дипломатической деятельности Донато Барбадори, казненный в декабре 1379 г. как участник заговора архигвельфов против режима младших цехов, стал воплощать образ «жертвы тирании» в глазах неизвестного автора «Первой хроники Анонима», который являлся политическим противником режима младших цехов 1378–1382 гг., осудившего Донато на смерть [19, р. 89]. Но и хронист Стефани явно выразил такую же позицию в аннотации, представляющей «плач» по поводу казни Донато Барбадори, несмотря на то что тот состоял в стане его политических врагов – архигвельфов. Маркьонне Стефани считал смертный приговор Барбадори «несправедливостью» [35, rubr. 827, p. 352; rubr. 836, p. 360; 14, р. 117–118], хотя этот хронист разделял ответственность за произошедшее, поскольку входил в состав избранных на ноябрь – де-

кабрь 1379 г. приоров, которые занимались расследованием заговора и утвердили приговор о смертной казни [33, rubr. 823, p. 348].

В оценках авторов хроник и жизнеописаний также отмечаются высказывания, содержащие подобные ментальные стереотипы, в которых воплощался комплекс превосходства граждан флорентийской коммуны перед венценосными особами и могущественными феодальными властителями.

Хронист Маттео Виллани, подробно описывая приход в Италию императора Карла IV в 1354 г., одобрял настойчивое и решительное поведение флорентийских послов на заключительных этапах переговоров, правда, отмечая при этом, что они «были все-таки несколько бесцеремонными». Ведя затянувшиеся переговоры «поздней ночью», флорентийские посланники изводили монарха, требуя письменных клятв по каждому принятому пункту договора. Они «постоянно держали его под подозрением», заставляя волноваться, и, наконец, «ожесточившийся император швырнул жезл, который он держал, на землю, и со злобным видом поклялся громким голосом, приводя множество формул, что еще до того как он выйдет из этой комнаты, своими силами с помощью синьоров Милана и других гибеллинов Италии он разрушит Флоренцию; кричал, что слишком велика гордость коммуны, желающей превзойти Империю. Послы, видя его столь взволнованным... решили пойти на покой, поскольку час был неподобающе поздним» [20, libro IV., cap. 72.]. Утром Карл IV одумался, вспомнив про обещанные коммуной 100 000 золотых флоринов, которые могли уплыть у него из рук, если договор не будет заключен, поэтому «послал за ними и, употребив множество мудрых слов относительно докучливого ночного обсуждения, демонстрируя великую любовь к коммуне Флоренции, щедро соглашался на то, что требовали послы...» [20, libro IV., cap. 72; cap. 83].

В жизнеописаниях выдающихся дипломатов иногда поражает воинствующая дерзость, с какой послы флорентийской республики выражали достоинство и силу своего маленького города-государства перед королевскими особами. В начале XV в. Бартоломео Валори отказал Владиславу Неаполитанскому в заключении лиги с Флоренцией. В ответ на угрозы короля захватить город, он

гордо ответил, «не помедлив и не выказав страха перед королем»: «Коммуна Флоренция побеждала во всех войнах, которые она вела, она найдет силы и теперь защитит свою святую свободу от многих императоров и тиранов...». Владислав в возмущении впал в ярость и начал кричать, что Флоренция не найдет наемных отрядов, поскольку он купил всех кондотьеров. На что мессер Валори самоуверенно заявил: «Горожане атакуют короля своими собственными силами, если он вздумает пойти на них» [29, p. 254–255]. Это заявление выглядело столь нелепым и безрассудным, что биограф вынужден был привести пространные толкования, объясняя, что имел в виду флорентийский посол: «Коммуна Флоренция столь могущественна, а горожане столь рассудительны и доблестны, что переплатят наемным войскам своими деньгами, неустанно заботясь об общем благе». Обычай городских ополчений к этому времени давно ушел в прошлое, и Лука делла Роббиа даже предположить не мог, что флорентийцы сами возьмут оружие в руки [29, p. 271–272]. Здесь снова постулируется исследуемый стереотип оценки, когда внимание автора уделяется эпизоду, никак не способствовавшему успеху миссии Бартоломео Валори. За явно демонстрируемым комплексом превосходства стояло осознание могущества и богатства их республики, которое становилось средством воздействия при столкновении с монархами и властителями.

Примерами таких же героев наполнены записи Джованни Кавальканти. Он повествовал о выходе из очень знатного флорентийского рода Пино делла Тоза (ум. ок. 1337), «человеке очень маленького роста, но смелом и великом духом». Синьору Вероны Мастино делла Скала, к которому он был отправлен с дипломатической миссией (возможно, 1335 г.), он «показался ничтожным внешне», и тот не задумался о том, «что столь достойная республика, как Флоренция, не могла отправить ничтожного человека в посольство такой важности, если бы не была уверена в величии его доблести». В ответ на унижения и оскорбления мессер Пино достойно ответил синьору и вернулся во Флоренцию, убедив, по мнению автора, Синьорию «в необходимости сокрушить синьоров дома делла Скала» [14, p. 194–195; 1, c. 350–351; 1, c. 434–435]. Он пока-

зывал жесты, демонстрирующие гордость и достоинство посла Гвидо дель Паладжо (ум. в 1399), «именитого гражданина не очень высокого происхождения, но украшенного блестящими доблестями» [14, р. 198–199; 13, р. 118–119].

Веспасиано да Бистиччи, характеризуя деяния Аньоло Пандольфини на дипломатическом поприще, в частности, его миссию при дворе правителя Милана Франческо Сфорца, считал главным достоинством флорентийского посланника бесстрашие при высказывании своего мнения, даже если оно расходилось с желанием самого герцога и единодушными решениями его советников: «Стоял мессер Аньоло твердо, подтверждал свое мнение многими доводами; ...он понимал, что действует во благо короля Фердинанда и для общего блага своего города» [12, р. 296].

Таким образом, биографы и хронисты стремились транслировать в качестве высокой оценки посла те высказывания и вербальные формулы, в которых выражался своего рода «кураж», часто доходящий до безрассудной дерзости с риском полного провала важной внешнеполитической миссии. Демонстрация бесстрашия и уверенности в силе и могуществе своего государства, проявляемая в формах, зачастую граничащих с наглостью, оттесняла на второй план достижение конкретной цели переговоров.

Важной составляющей этоса образцового дипломата, хотя и меньше отразившейся на страницах указанных источников, являлись жесты демонстрации неподкупности и бескорыстия. В середине XV в. историк Джованни Кавальканти прославлял «выдающегося флорентийского рыцаря Манно Донати» как образец бескорыстия и чести, не только за его непоколебимую верность синьору Падуи, который призвал его на службу [14, р. 210–211]. Кавальканти утверждал, что даже на своей гробнице в Падуе флорентиец Манно был изображен с лопнувшим мешком под ногами, и с каждой стороны высыпались золотые флорины [14, р. 211; 39, t. 2. VII. 72; XI. 97; 13, р. 156], имея в виду следующий эпизод. Когда синьор Падуи дал ему военные и дипломатические поручения к своим союзникам, веронским Делла Скала, синьор Вероны Мاستино делла Скала, «будучи господином сознательным и благодарным», захотел презентовать мессеру Манно сумку

с огромным количеством флоринов. «Наш рыцарь поблагодарил его словами, полными признательности, и сказал: „Синьор, я не хочу задеть твою честь, хотя меня поражает, что ты пытаешься поступить во вред мне, а равно против величия и достоинства моего синьора, который послал меня в помощь тебе. Он таков, что в состоянии заплатить мне сполна без тебя и твоих денег“» [14, р. 210–211]. Хронист восхищался тем, что в одной короткой фразе флорентийский рыцарь ловко совместил два принципа – верности и бескорыстия. Подобный жест Веспасиано да Бистиччи приписывал Аньоло Аччайуоли, заявляя, что «мессер Аньоло дорожил репутацией человека набожного и бескорыстного, и сохранял верность своим принципам. Когда король Карл VII пожелал ему подарить «великолепный столовый золотой сервиз огромной стоимости, согласился принять только два золотых бокала, остальное отклонил... каковые два бокала видели потом в Милане у герцога Франческо [Сфорца], которому он их подарил» [7, р. 354].

Дипломатическая служба позволяла флорентийским посланникам устанавливать прочные связи с суверенами различного ранга – от королей и императоров до мелких феодальных властителей. «Дружба» флорентийцев, многие из которых были незнатного происхождения, с сильными мира сего оставалась важной составляющей этоса образцового дипломата, но встречала двойственные оценки в высказываниях современников и соотечественников [5, с. 360–380]. Показательным примером в этом отношении являются высказывания, сосредоточившиеся вокруг фигуры выдающегося дипломата Пьеро Пацци, решающим этапом в карьере которого стало участие в посольстве к французскому королю Людовику XI в 1461 г. Об этой миссии сохранился подробный отчет секретаря посольства, подтверждающий сведения Веспасиано да Бистиччи, в котором указано, что король Франции по достоинству оценил прекрасные и убедительные речи мессера Пьеро и в торжественно обстановке почтил его производством в рыцари [25, р. 7–47]: за Пьеро де Пацци послали высокопоставленных лиц, король изволил посвятить его в рыцари в своих покоях [25, р. 26–27; 10, р. 366]. Судя по жизнеописанию Пьеро де Пацци, после этого его неудержимо притягивали королевские дворы. Бистич-

чи писал, что «он имел великую дружбу герцогом Джованни Анжуйским», сын которого гостил у Пьеро де Пацци в доме и крестил его ребенка, тогда как Джованни Анжуйский «нашел в лице мессера Пьеро „ловкого придворного, ибо тот обладал изысканнейшими манерами“, позволявшими ему находиться среди первых лиц герцога [10, р.369 – 371].

Прочные личные связи флорентийских граждан с монархами постоянно использовались в интересах республики и оказывались очень полезными во внешней политике. Но вокруг самих посредников, в данном случае Пьеро Пацци, складывалась атмосфера подозрительности и недоверия. Сограждан, сознание которых было пронизано ценностями республиканского социума, настаивали на аристократических замашках дипломатов, которыми Пьеро де Пацци изумил родной город, вернувшись из Франции [17, I. 3; 34, р. 110–118], ведя образ жизни знатного синьора, приглашая к обеду по 8–10 человек представителей лучших семей города, по два раза в день меняя богатейшие одежды, как и все его домочадцы и свита. «Он как бы породнился со всей Флоренцией», – замечал биограф. При этом Веспасиано де Бистиччи осуждал излишнюю помпезность, нерациональную расточительность и тщеславие Пьеро де Пацци, хотя и восхищался величием (*grandezza*) своего согражданина [10, р.364 – 371]. Эта двойственность восприятия была свойственна сознанию других горожан. В частности, в одном из писем вдова Алессандра Мачинги деи Строцци описывала в письме к своему сыну торжественное возвращение посольства Пьеро Пацци. Ее рассказ исполнен не столько восхищением роскошью и аристократическими претензиями мессера Пьеро, сколько насмешками и некоторым сарказмом в его адрес, а об одном из людей его свиты она насмешливо замечала, что «от гордости он раздувался как пузырь», когда его за успешное выполнение миссии Синьория посвящала в рыцари [28, р. 259–260].

Можно утверждать, что город-государство влиял на создание новых идентичностей, особенно заметных при столкновении с монархами, папским двором, феодальными сюзеренами и могущественными властителями за его пределами, перед лицом которых граждане Флоренции, будь то гранды или попопаны, ощущали себя неким целым,

единым «мы» в противостоянии или диалоге с чуждыми, а иногда и явно враждебными «они». В этих случаях «республиканский дух» в связи с позицией «флорентинизма» часто давал о себе знать комплексом превосходства над сильными мира сего, не напрасно в городе на Арно очень ценились как выдающиеся качества флорентийских послов особая дерзость духа, своеобразный кураж перед властителями, не позволяющий спасовать даже перед самыми могущественными королями, императорами и самим главой христианского мира. В этом случае граждане Флоренции утверждали себя в качестве неотъемлемой части и полномочных представителей флорентийского сообщества и государства, что вовсе не исключало желания получить из рук этого короля или императора рыцарские шпоры, гербы и другие почести и знаки отличия.

Специфика представленных дискурсов, представляющих саморепрезентации своей деятельности и идеальные образы жизнеописаний, не позволяет использовать их как источник точных и достоверных фактов. Объектом исследования в данном случае выступали устойчивые вербальные модели, отражающие социально-культурные и ментальные установки, посредством которых рефлексировались и оценивались внешнеполитические отношения, устанавливаемые с коронованными владыками, римским понтификом и феодальными синьорами. Постулируемый этический комплекс определял поведенческие практики и ритуальные жесты: воинствующее отстаивание могущества и достоинства маленького города-государства даже вопреки успеху миссии, что служило средством внушения уважения к свободной коммуне с республиканскими формами правления. Доблесть посла измерялась его красноречием в демонстрации отважной до безрассудства и нелепости дерзости; его неподкупность и бескорыстие в ритуализированных жестах отказа от вознаграждения и подарков. Менее однозначно оценивалось «величие» послов, проявляющееся в близости и личной дружбе с венценосными персонами – качество, с одной стороны, полезное и необходимое для ведения внешней политики, с другой – настороженно воспринимаемое в социуме с относительно широкими традициями народовластия и выборного коллегиального управления.

Литература

1. Виллани Дж. Новая хроника или история Флоренции / пер., статья и прим. М. А. Юсима. М.: Наука, 1997. 579 с.
2. Краснова И. А. Веллутти // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. I. М.: РОССПЕН, 2007. 863 с.
3. Краснова И. А. Пандольфини // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. II. Кн. 1. М.: РОССПЕН, 2011. 662 с.
4. Краснова И. А. Питти // Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. II. Кн. 1. М.: РОССПЕН, 2011. 662 с.
5. Краснова И. А. Флорентийцы у монарших престолов и «неблагодарное отечество» // Власть, индивид, общество в средневековой Европе / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2008. 598 с.
6. Питти Б. Хроника / пер. с ит. З. В. Гуковской. Статьи и прим. М. А. Гуковского, В. И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1972. 248 с.
7. Bisticci V. Commentario della vita di messer Agnolo Acciaiuoli // Archivio Storico Italiano. T. IV. Firenze, 1843.
8. Bisticci V. Commentario della vita di messer Bernardo Giugni // Archivio Storico Italiano. T. IV. Firenze, 1843.
9. Bisticci V. Commentario della vita di messer Lorenzo Ridolfi // Archivio storico italiano. T. IV. Firenze, 1843.
10. Bisticci V. Commentario della vita di messer Piero de' Pazzi // Archivio storico italiano. T. IV. Firenze, 1843.
11. Bisticci V. Vita di Cosimo di Giovanni dei Medici // Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859.
12. Bisticci V. Vita di Agnolo Pandolfini // Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859.
13. Brucker G. Florentine Politics and Society 1343–1378. Princeton, 1962.
14. Cavalcanti G. Trattato politico-morale // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973.
15. Ciappelli G. Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Tre-Quattrocento. Firenze, 1995.
16. Commissioni di Rinaldo degli Albizzi per il commune di Firenze. T. I–III. Firenze, 1867–1873.
17. Compagni D. Cronica di Dino Compagni delle cose occorrenti ne' tempi suoi. A cura di F. Martini. I. 3. Milano, 1913.
18. Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani. A cura di N. Rodolico // Rerum italicarum scriptores. Città di Castello, 1903–1913.
19. Cronaca prima d'Anonimo // Il Tumulto dei Ciompi. Cronache e memorie. Ed. G. Scaramella // Rerum Italicarum Scriptores. Firenze, 1903–1913.
20. Cronica di Matteo Villani // Croniche storiche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Milano, 1846.
21. Della Berardenga C. U. Gli Acciaiuoli di Firenze nella luce dei loro tempi (1160–1834). Firenze, 1962.
22. Diario d'anonimo fiorentino dall'anno 1358 al 1389 // Cronache dei secoli XIII e XIV. Firenze, 1876.
23. Guidi G. Il governo della città-Repubblica di Firenze del primo quattrocento. T. I–III. Firenze, 1981.
24. Hurtubis P. Une famille-témoine. Les Salviati. Città di Vaticano, 1985.
25. Il viaggio ambasciatori fiorentini al re di Francia nel MCCCLXI descritto da Giovanni di Francesco di Neri Cecchi, loro cancelliere // Estrazione dall'Archivio storico italiano. Serie III. T. I. Parte 1. Firenze, 1865.
26. Irace E. Dai ricordi ai memoriali: I libri di famiglia in Umbria tra medioevo ed età moderna // Mordenti R. I libri di famiglia in Italia. II. Geografia e storia. Roma, 2001.
27. Kent D. Dinamica del potere e patronato nella Firenze di Cosimo de' Medici // I ceti dirigenti nella Toscana del Quattrocento. Firenze, 1987.
28. Lettera in Napoli 17/XII 1463 / Macinighi Strozzi A. Lettere. Firenze, 1877.
29. Luca della Robbia. Vita di messer di Bartolommeo di Niccolo di Taldo di Valore Rustichelli // Archivio Storico Italiano. T. IV. Firenze, 1843.
30. Monti A. Les chroniques Florentines de la premiere revolté populaire à la fin de la Commune (1345–1434). T. I–II. Lille, 1983.
31. Mordenti R. Les livres de famille en Italie // Annales. Histoire, Sciences, Sociales. Paris, 2004. № 4.
32. Palla di Nofri Strozzi. Diario // Archivio Storico italiano. Firenze. 1883. XI; 1883, XII; 1884, XIII; 1884, XIV.
33. Peterson D. S. The War of the Eight saints in Florentine Memory and Oblivion // Society and Individual in Renaissance Florence / ed. by W. J. Connell. Berkeley, Los Angeles, London. 2002.
34. Salvemini G. La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze e altri scritti. A cura di E. Sestan. Milano, 1972.
35. Stefani M. Cronaca. rubr. 827. P. 352; rubr. 836. p. 360. Cavalcanti G. Trattato politico-morale // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973.
36. Strozzi L. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi. A cura di De Salvatore Landi. Firenze, 1892.
37. Strozzi Palla di Nofri. Diario // Archivio Storico Italiano. T. XIII. Firenze, 1884.
38. Velluti D. La cronica domestica scritta tra il 1376 e il 1370. A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914.
39. Villani M. Cronica di Matteo Villani. Firenze, 1826.
40. Vita di Donato de Acciaiuoli // Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV. Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859.

References

1. Villani Dzh. Novaya khronika ili istoriya Florentsii. Per., stat'ya i prim. M. A. Yusima. (The new chronicle or history of Florence) / trans., article and comment. M. A. Yushima. M.: Nauka, 1997. 579 p.
2. Krasnova I. A. Velluti // Kultura Vozrozhdeniya. Entsiklopediya. T. I. (Krasnova I. A. Velluti // Culture of the Renaissance. Encyclopedia). M.: ROSSPEN, 2007. 863 p.

3. Krasnova I. A. Pandolfini // *Kultura Vozrozhdeniya. Entsiklopediya*. Vol. II. Bk. 1. (Pandolfini // *Culture of the Renaissance. Encyclopedia*). M.: ROSSPEN, 2011. 662 p.
4. Krasnova I. A. Pitti // *Kultur Vozrozhdeniya. Entsiklopediya*. Vol. II. Bk. 1. (Culture of the Renaissance. Encyclopedia). M.: ROSSPEN, 2011. 662 p.
5. Krasnova I. A. Florentiitsy u monarshikh prestolov i «neblagodarnoe otechestvo» (Florentines at the royal thrones and «ungrateful fatherland») // *Vlast', individ, obshchestvo v srednevekovoi Evrope* (Power, the individual and society in medieval Europe) / ed. by N. A. Khachatryan. M.: Nauka, 2008. 598 p.
6. Pitti B. *Khronika* (Chronicle) / trans. by Z. V. Gukovskoi. Notes by M. A. Gukovskogo, V. I. Rutenburga. L.: Nauka, 1972. 248 p.
7. Bisticci V. *Commentario della vita di messer Agnolo Acciaiuoli* (The Commentary of the life of messer Agnolo Acciaiuoli) // *Archivio Storico Italiano*. T. IV. Florence, 1843.
8. Bisticci V. *Commentario della vita di messer Bernardo Giugni* (The Commentary of the life of messer Bernardo Giugni) // *Archivio Storico Italiano*. T. IV. Firenze, 1843.
9. Bisticci V. *Commentario della vita di messer Lorenzo Ridolfi* (The Commentary of the life of messer Lorenzo Ridolfi) // *Archivio storico italiano*. T. IV. Firenze, 1843.
10. Bisticci V. *Commentario della vita di messer Piero de' Pazzi* (The Commentary from the life of messer Piero de' Pazzi) // *Archivio storico italiano*. T. IV. Firenze, 1843 (In Italian).
11. Bisticci V. *Vita di Cosimo di Giovanni dei Medici* (The Life of Cosimo di Giovanni of the Medici) // Bisticci V. *Vite degli uomini illustri del secolo XV*. (Lives of the illustrious men of the XV century). Firenze, 1859.
12. Bisticci V. *Vita di Agnolo Pandolfini* (The Life of Agnolo Pandolfini) // Bisticci V. *Vite degli uomini illustri del secolo XV* (Lives of the illustrious men of the XV century). Firenze, 1859.
13. Brucker G. *Florentine Politics and Society 1343–1378*. Princeton, 1962.
14. Cavalcanti G. *Trattato politico-morale* // Grendler M. The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973.
15. Ciappelli G. *Una famiglia e le sue ricordanze. I Castellani di Firenze nel Tre-Quattrocento*. (Ciappelli G. A family and its memories. The Castellani family in Florence, in the Three and four hundred). Firenze, 1995.
16. *Comissioni di Rinaldo degli Albizzi per il commune di Firenze*. Vol. I–III. (Commissions of Rinaldo degli Albizzi to the commune of Florence). Firenze, 1867–1873.
17. Compagni D. *Cronica di Dino Compagni delle cose occorrenti ne' tempi suoi*. A cura di F. Martini. I. 3. (Companions D. Chronic Dino Companions of the things required during his times. A cura di F. Martini). Milano, 1913.
18. *Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani*. A cura di N. Rodolico (The Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani. Edited by N. Rodolico) // *Rerum italicarum scriptores*. Città di Castello, 1903–1913.
19. *Cronaca prima d'Anonimo* (Chronicle before the Anonymous) // *Il Tumulto dei Ciompi. Cronache e memorie* (The revolt of the Ciompi. The chronicles and memoirs) / ed. G. Scaramella // *Rerum Italicarum Scriptores*. Firenze, 1903–1913.
20. *Cronica di Matteo Villani* (Chronic of Matteo Villani) // *Croniche storiche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani* (Chronic historic of Giovanni, Matteo and Filippo Villani). Milano, 1846.
21. Della Berardenga C. U. *Gli Acciaiuoli di Firenze nella luce dei loro tempi (1160–1834)* (The Acciaiuoli in Florence in the light of their times (1160–1834). Firenze, 1962.
22. *Diario d'anonimo fiorentino dall'anno 1358 al 1389* (Personal journal d'anonimo fiorentino, from the year 1358 to the year 1389) // *Cronache dei secoli XIII e XIV*. (The Chronicles of the XIII and XIV centuries). Firenze, 1876.
23. Guidi G. *Il governo della città-Repubblica di Firenze del primo quattrocento* (Guidi G. The government of the city-Republic of Florence of the early fifteenth century). Vol. I–III. Firenze, 1981.
24. Hurtubis P. *Une famille-témoine. Les Salviati* (A family-testifies. The Salviati). Città di Vaticano, 1985.
25. *Il viaggio ambasciatori fiorentini al re di Francia nel MCCCCLXI descritto da Giovanni di Francesco di Neri Cecchi, loro cancelliere* (The travel ambassadors the florentines to the king of France in the MCCCCLXI described by Giovanni Francesco di Neri Cecchi, their chancellor) // *Estrazione dall'Archivio storico italiano* (Extraction from the historical Archive of the Italian). Series III. Vol. I. Part 1. Firenze. 1865.
26. Irace E. *Dai ricordi ai memoriali: I libri di famiglia in Umbria tra medioevo ed età moderna* (From memories to memorial: The family books in Umbria, between the middle ages and the modern age) // Mordenti R. *I libri di famiglia in Italia*. II. Geografia e storia (Mordenti A. family books in Italy. II. Geography and history). Roma, 2001.
27. Kent D. *Dinamica del potere e patronato nella Firenze di Cosimo de' Medici* (Dynamics of power and patronage in the Florence of Cosimo de' Medici) // *I ceti dirigenti nella Toscana del Quattrocento* (Those in positions of leadership in the Tuscany of the Fifteenth century). Firenze, 1987. .
28. *Lettera in Napoli 17/XII 1463* / Macinghi Strozzi A. *Lettere*. (Letter in Naples, 17/XII 1463 / Macinghi Strozzi, A. Letters). Firenze, 1877.
29. Luca della Robbia. *Vita di messer di Bartolommeo di Niccolo di Taldo di Valore Rustichelli* (Luca della Robbia. Life of sir of Bartolommeo di Niccolo di Taldo Value Rustichelli) // *Archivio Storico Italiano*. Vol. IV. Firenze, 1843.
30. Monti A. *Les chroniques Florentines de la premiere revolté populaire à la fin de la Commune (1345–1434)* (The chronicles of Florence of the first rebellious popular at the end of the Common (1345–1434). Vol. I–II. Lille, 1983.
31. Mordenti R. *Les livres de famille en Italie* (Family books in Italy) // *Annales. Histoire, Sciences, Sociales*. Paris, 2004. No. 4.

32. Palla di Nofri Strozzi. Diario (Pall Nofri Strozzi. Diary) // Archivio Storico italiano. Firenze, 1883, XI; 1883, XII; 1884, XIII; 1884, XIV.
33. Peterson D. S. The War of the Eight saints in Florentine Memory and Oblivion // Society and Individual in Renaissance Florence /ed. by W.J. Connell. Berkeley, Los Angeles, London. 2002.
34. Salvemini G. La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze e altri scritti (The dignity cavalleresca in the Municipality of Florence and other writings) / ed. by E. Sestan. Milano, 1972.
35. Stefani M. Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani (The Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani) // Rerum Italicarum scriptores. (Rerum Italicarum, the divine) / ed. by N. Rodolico. Vol. XXX. Città di Castello, 1903.
36. Strozzi L. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi. The lives of the illustrious men of the house of Strozzi / ed. by De Salvatore Landi. Firenze, 1892.
37. Strozzi Palla di Nofri. Diario (Pall Nofri. Diary) // Archivio Storico Italiano. Vol. XIII. Firenze, 1884.
38. Velluti D. La cronica domestica scritta tra il 1376 e il 1370 (The chronic home written between 1376 and 1370) / ed. by I. Del Lungo and C. Volpi. Firenze, 1914.
39. Villani M. Cronica di Matteo Villani. (VillChronic di Matteo Villani). Firenze, 1826.
40. Vita di Donato de Acciaiuoli (Life of Donato de Acciaiuoli) // Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV. (Lives of the illustrious men of the XV century) Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV (Lives of the illustrious men of the XV century). Firenze, 1859.

УДК 902/904

Т. Г. Кривцова, Л. П. Ермоленко

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА А. Л. НЕЧИТАЙЛО

В статье рассматриваются вопросы археологического изучения памятников эпохи бронзы А. Л. Нечитайло и ее вклад в исследование памятников майкопской, северокавказской, предкавказской культурно-

исторических общностей и культур Степной Украины.

Ключевые слова: А. Л. Нечитайло, археологические памятники, Верхнее Прикубанье, Предкавказье, Северный Кавказ.

T. G. Krivtsova, L. P. Ermolenko

THE HISTORY OF THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE BRONZE AGE SITES BY A. L. NECHITAILO

The article discusses the research of archaeological study of the Bronze Age sites by A. L. Nechitailo and her contribution to the research of the monuments of Maikop, North Caucasus and Ciscaucasian cultural and

historical communities and cultures of the Ukrainian Steppe.

Key words: A. L. Nechitailo, archaeological sites, Upper Kuban, Ciscaucasia, North Caucasus.

Появление историографических публикаций в научной литературе, а также проведение научных конференций, посвященных наследию ученых-археологов, закономерно, так как на Ставрополье складывается хорошая традиция изучать творческий путь ученых, жизнь которых неразрывно связана с историей края. В этом всегда видна преемственность и преумножение научного насле-

дия, созданного трудами предшественников, в частности историка-археолога Аннеты Леонидовны Нечитайло. Свою научную деятельность А. Л. Нечитайло (1935–2008 гг.) начала в Ставропольском крае, где в середине XX столетия в ходе активного строительства и хозяйственной деятельности было найдено огромное количество погребений и поселений, относящихся к III–I тыс.